

Стоило Ли Сяосю вспомнить, как дедушка Цзюнь все эти годы баловал его, он невольно причмокнул от удовольствия. Бывший глава Охранного агентства Тунъань толк в жизни знал: сладостей в его доме всегда водилось в избытке, и одна другой краше. Медовые пирожные да засахаренные фрукты — ничуть не хуже тех лакомств, что Сяосю пробовал в своей прошлой жизни. Ну и дела! Неудивительно, что прежний простак Ли каждый раз, увязываясь за стариной Ли в гости к Цзюням, так сиял от радости. Тот ведь шёл исключительно ради того, чтобы набить брюхо.

К тому же в последние несколько лет старший сын семьи Цзюнь, Цзюнь Далан, повадился прикармливать глупыша Ли всякой вкуснятиной. Немудрено, что внимание мальчишки постепенно переключилось с дедушки Цзюня на его старшего внука. Стоило Ли-глупышу переступить порог их дома, как он тут же увязывался за Цзюнь Даланом. Смотрел на него преданными собачьими глазами и ходил следом буквально как приклеенный. Пока они были мелкими, все лишь посмеивались: мол, детские забавы, несмышлёныш ещё. Но когда парень подрос, а повадки остались прежними, в обеих семьях поползли вполне определённые слухи. Мысли взрослых потекли в одном направлении, и решение породниться созрело само собой, как нечто совершенно естественное.

«Так, стоп. Куда-то меня не туда понесло»

Почесав подбородок, Ли Сяосю попытался сосредоточиться и собрать разбежавшиеся мысли в кучу. С тех пор как вчера вечером матушка Ши-ши огорошил его новостью, что в прошлом месяце его официально помолвили с Цзюнь Даланом, Сяосю не сомкнул глаз. Всю ночь его терзали два противоречивых чувства: глубокое сожаление и глухой, непреодолимый протест.

Сожалел он потому, что Цзюнь Далан в его воспоминаниях остался парнем видным: высокий, широкоплечий, чертовски привлекательный. При всей своей недюжинной силе и мастерстве в боевых искусствах он отличался мягким нравом и умел заботиться о близких. Словом — идеальный актив. В своей прошлой жизни Сяосю за такого первоклассного топа душу бы дьяволу продал, да только подобных мужчин и за огромные деньги было не сыскать...

К тому же в прошлой жизни Ли Сяо был не просто беден как церковная мышь, но ещё и труслив до невозможности. Пока были живы родители, он сидел в таком глубоком шкафу, что носа оттуда не показывал. Он до смерти боялся обнаружить хоть малейший интерес к парням. Более того, время от времени ему приходилось разыгрывать перед отцом и матерью комедию: кривить лицо и притворно поносить гомосексуалов, лишь бы никто ничего не заподозрил. Жалкое было зрелище.

А потом случилась трагедия. Родители попали в страшную аварию. На их лечение и операции ушли почти все сбережения, но чуда не произошло — они угасли один за другим. Раздавленный горем и увязший в пучинах социофобии, Ли Сяо заперся в четырёх стенах, влача

жалкое существование третьесортного писателя-неудачника. В те времена ему самому едва хватало на пропитание, куда уж там думать об отношениях с мужчинами или, тем паче, о покупных мальчиках для утех.

И вот надо же — судьба преподнесла ему на блюде идеального, заботливого мужика, да ещё и связанного с ним узами помолвки! Прямо бери и пользуйся. Добровольно отказываться от такого сокровища было до слёз обидно.

Но как бы ни исходил он слюной на этого красавца, одна-единственная мысль мгновенно отрезвляла. Стоило Сяосю представить, что после их любовных утех у него появится пусть даже крошечный шанс забеременеть и родить, как к горлу подкатывала тошнота. Глухой внутренний протест буквально парализовал разум.

Да, в этом мире гэеры славились низкой фертильностью, и многие из них годами безуспешно пытались зачать в браке. Но ведь лазейка оставалась! Трудности трудностями, а детородные органы у него имелись. И пускай Сяосю обе жизни оставался стопроцентным геем, это вовсе не значило, что он готов примерить на себя роль роженицы и вынашивать чужое семя.

Тьфу! Да если бы он действительно мог размножаться, то предпочёл бы почкование или непорочное зачатие от самого себя. Перспектива урвать пару лет беззаботных плотских утех с идеальным партнёром меркла перед кошмаром провести остаток дней в пелёнках, соплях и бесконечных заботах о прожорливом потомстве. Стоило Сяосю вообразить себя кормящей матерью, как всякое вожеление испарялось без следа. Каким бы замечательным ни был Цзюнь Далан, придётся выкинуть его из головы.

«Но как мне сказать матушке, что я хочу разорвать помолвку?..»

Сяосю со свистом выпустил воздух сквозь зубы и уткнулся лицом в ладони. Ситуация казалась тупиковой.

В прежние времена матушка Ши-ши и старина Ли сотни раз рассказывали глупышу Ли одну и ту же историю. Отец Цзюнь Далана, дядя Цзюнь, когда-то спас им жизнь. Если бы он тогда не заметил на обочине дороги Ши-ши — бледного как полотно и не способного сделать ни шагу — и не отвёз его по доброте душевной к шестому брату на осмотр, чета Ли никогда бы и не узнала о грядущем прибавлении. Шутка ли: Ши-ши умудрился зачать на тридцать девятом году жизни! В таком возрасте забеременеть для гэера считалось едва ли не чудом.

Благородный поступок дяди Цзюня позволил супругам вовремя узнать о деликатном положении Ши-ши на самом раннем сроке. Старина Ли сразу же забрал мужа домой и окружил такой заботой, что тот за всю беременность не поднял ничего тяжелее палочек для

еды. В итоге на свет благополучно появился здоровый крошка-гэер — Ли Сяосяо.

Старина Ли, которому в ту пору уже перевалило за пятьдесят, от счастья буквально летал на крыльях. Желая отблагодарить спасителя, он совершил неслыханную дерзость: наплевав на приличия и тот факт, что по возрасту годился дяде Цзюню в отцы, тот добровольно опустил себя на одно поколение вниз и стал величать его названным братом.

С тех самых пор семьи Ли и Цзюнь сблизились, поддерживая крепкую дружбу из года в год. Не будь этого, Ли Сяосяо никогда бы не помолвили с Цзюнь Даланом. Ведь если судить строго по возрасту глав семейств, старина Ли должен был стоять на одной ступени с дедушкой Цзюнем. А значит, Сяосяо доводился бы Цзюнь Далану дядей!

Однако старина Ли из благодарности за спасение семьи легко уступил старшинство, сделав дедушку Цзюня своим «дядюшкой». Из-за этой путаницы с поколениями Сяосяо и Цзюнь Далан оказались сверстниками. Они росли бок о бок, делясь игрушками и секретами, словно неразлучные птенцы. Обе семьи давно лелеяли мысль скрепить давний союз кровными узами, и в прошлом месяце, когда оба достигли зрелости, наконец объявили о помолвке...

«Матушка пресвятая, это же задачка адской сложности!»

Сяосяо в отчаянии покатился по кровати, заворачиваясь в одеяло, пока не превратился в тугую, беспомощный кокон, и глухо застонал.

Какое счастье, что вчера вечером, услышав о свадьбе, он опешил и не ляпнул сгоряча про расторжение помолвки! Сделай он это — и матушка Ши-ши тут же устроил бы ему знатную головомойку за непочтительность, а старина Ли, несмотря на всю свою безграничную слепую любовь к сыну, вполне мог впервые в жизни взяться за хворостину.

Разорвать помолвку без веской причины — значит нанести Цзюням смертельное оскорбление и превратить преданных друзей в заклятых врагов. Даже если бы речь шла о чужих людях, подобный шаг навсегда покрыл бы семью Ли несмываемым позором. В глазах соседей они стали бы кончеными подлецами. И так нельзя, и этак не выходит... Неужели придётся покорно склонить голову и пойти под венец с Цзюнь Даланом?

«Хотя... если я так сильно боюсь детей, разве нельзя предохраняться втайне от всех?»

Но эта мысль умерла, едва родившись. Где в этой глуши достать противозачаточные снадобья? О резиновых изделиях и заикаться не стоило — даже если бы они существовали, Цзюнь Далан ни за что не согласился бы их использовать.

«Может, улучшить момент и расспросить шестого брата?»

Бормоча себе под нос и взвешивая скудные варианты между позорным побегом и тайной медициной, Сяосяо окончательно зашёл в тупик. Да уж, если шестой брат прознает о его коварных планах, то скорее пропишет ему ремня, чем поможет со снадобьем. К тому же лишать Цзюнь Далана законных наследников ради собственного эгоизма... Пожалуй, это было слишком подло.

«А-а-а, пропади оно всё пропадом! Голова сейчас треснет. Будь что будет, поплыву по течению...»

Сяосяо мысленно взвыл, понимая, что хорошего решения у него сейчас нет. Он решительно отбросил тяжёлые думы в сторону, дабы окончательно не сойти с ума.

Одним махом сбросив одеяло, он ловко спрыгнул с кровати. Хватит переливать из пустого в порожнее, делу этим не поможешь. Нужно поскорее умыться и пойти умаслить матушку Ши-ши, пока тот окончательно не лишил его милости. Вчера, помимо известия о скорой свадьбе, его огорошили ещё одной «радостью»: ближайшие полгода ему строжайше запрещено покидать усадьбу.

Раз уж с помолвкой пока ничего не решить, нужно направить все силы на то, чтобы смягчить матушку и добиться отмены домашнего ареста. Да, в глубине души Ли Сяосяо всегда был закоренелым затворником, но одно дело — добровольно сычевать в своей комнате, и совсем другое — сидеть под замком по принуждению. Разница, чёрт возьми, колоссальная!

К тому же Ши-ши вознамерился за эти полгода обучить его всем премудростям, полагающимся благовоспитанному гэеру. При одной мысли о том, что ему придётся держать в руках тонюсенькую иглу и корпеть над пальцами, кожу Сяосяо усыпали крупные мурашки. Обычные домашние хлопоты вроде стирки, уборки или готовки его не пугали, но становиться великим мастером вышивки вроде легендарного Дунфан Бубая он решительно не собирался.

К рукоделию у него не было ни малейшего таланта. В прошлый раз, когда он попытался сделать пару стежков, игла изрешетила его пальцы так, что живого места не осталось. Сяосяо не на шутку опасался подхватить столбняк. В эту тёмную эпоху повального дефицита лекарств и квалифицированных врачей банальный столбняк гарантировал прямой и очень быстрый билет на тот свет.

<http://bllate.org/book/20616/2132427>